Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/MDYQBH
УДК 821.133.1.0
ББК 83.3(4Фра)4

МОТИВ СМЕШЕНИЯ ВИНА И ВОДЫ В ПОЭЗИИ ВАГАНТОВ: ГЕНЕЗИС И ФУНКЦИИ

© 2024 г. Н.М. Долгорукова, К.В. Бабенко
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 03 октября 2023 г.
Дата одобрения рецензентами: 15 января 2024 г.
Дата публикации: 25 сентября 2024 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-96-113

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-067 «Корпус латинских и романских средневековых пародийных текстов в свете теории М.М. Бахтина») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2023 г.

Аннотация: Статья посвящена анализу мотива смешения вина и воды в поэзии вагантов. В ходе исследования мы выяснили, что этот мотив не имеет корней в античной литературе, а восходит к святоотеческим толкованиям смешения вина и воды в евхаристической чаше. Эта традиция остается актуальной на протяжении всех Средних веков. Кроме того, в XI в. актуализируются богословские споры о реальном присутствии Христа в Святых Дарах. Частичным следствием этих споров является формирование учения о конкомитанции (полноценном присутствии Христа в каждом из Даров), которое постепенно привело к причащению мирян лишь под одним видом (только Телом), что вызвало большое недовольство в пастве. Отражение этих процессов, как мы полагаем, можно найти в анализируемых текстах. Возникновение изученного нами мотива в литературе этого периода мы считаем, с одной стороны, частью большой литературной игры, “parodia sacra”, сущность которой состоит в пародийном переворачивании церковной символики, текстов и обычаев (в нашем случае профанное неразбавленное вино противопоставляется евхаристическому разбавленному), а с другой — реакцией на описанные выше изменения, произошедшие в католическом обряде в указанный период.
Ключевые слова: ваганты, голиарды, застольная лирика, parodia sacra, Евхаристия.
Информация об авторе: Наталья Михайловна Долгорукова — кандидат филологических наук, PhD, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, д. 11, 101000 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5553-0581
E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com
Ксения Вадимовна Бабенко — аспирант, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9101-2098
E-mail: ksieniya.babenko@gmail.com
Для цитирования: *Долгорукова Н.М., Бабенко К.В.* Мотив смешения вина и воды в поэзии вагантов: генезис и функции // Studia Litterarum. 2024. Т. 9, № 3. С. 96–113. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-96-113

Studia Litterarum,
vol. 9, no. 3, 2024

THE MOTIF OF MIXING WINE AND WATER IN GOLIARDIC POETRY: GENESIS AND FUNCTIONS

© 2024. Natalia M. Dolgorukova, Kseniia V. Babenko
National Research University Higher School of Econimics, Moscow, Russia;
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: October 03, 2023
Approved after reviewing: January 15, 2024
Date of publication: September 25, 2024

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 22-00-067 "Corpus of Latin and Romanesque Medieval Parody Texts in the Light of the Theory of M.M. Bakhtin") in 2023.

Abstract: The article analyses the motif of mixing wine and water in goliardic poetry. The research reveals that this motif has no roots in antique literature but dates back to the patristic tradition of symbolic interpretations of mixing wine and water in the Eucharistic cup. This tradition remained relevant throughout the Middle Ages. Moreover, the theological debate about the real presence of Christ in the Holy Gifts has contributed to the formation of the doctrine of concomitance (the presence of Christ in each of the Holy Gifts), which led to the establishment of the practice of giving communion to the laity in only one form (the Body only). It caused great discontent in the congregation. A reflection of these processes, as we believe, can be found in the poems of goliards. We consider the appearance of the motif in the literature of this period to be part of a literary game, *parodia sacra*, the essence of which consists in the parodic reversal of Church symbols, texts, and customs (in our case, the profane undiluted wine contrasts with the eucharistic diluted wine) and, on the other hand, a reaction to the changes in the Catholic Rite during this period.

Keywords: goliards, drinking songs, parodia sacra, Eucharist.

Information about the author: Natalia M. Dolgorukova, PhD in Philology, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St., 11, 101000 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5553-0581
E-mail: natalia.dolgoroukova@gmail.com
Kseniia V. Babenko, PhD Student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9101-2098
E-mail: ksieniya.babenko@gmail.com

For citation: Dolgorukova, N.M., and K.V. Babenko. "The Motif of Mixing Wine and Water in Goliardic Poetry: Genesis and Functions." *Studia Litterarum*, vol. 9, no. 3, 2024, pp. 96–113. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2024-9-3-96-113

Нам уже приходилось отмечать, что в рамках рукописи “Carmina Burana”, самого большого сборника вагантской поэзии, таверна выступает в качестве особого хронотопа, представленного одновременно и как пародийный аналог Церкви, и как ее противоположность: почти каждое явление церковной жизни в вагантских текстах переосмысляется и заменяется пародийным дублетом [3]. Одной из таких замен становится неразбавленное вино, которое, как мы предположили, выступает в качестве пародийного аналога евхаристического вина, разбавляемого водой. К сожалению, ограниченный объем нашей предшествующей работы вкупе с большим количеством рассматриваемых тем не позволили нам подробно остановиться на каждой из них по отдельности. Задача настоящего исследования — комплексно изучить мотив смешения вина и воды в пародийной латинской лирике XII–XIII вв., осветив, таким образом, один из аспектов темы, которая уже много лет является предметом наших научных интересов, — возникновение, развитие и функции литературного «жанра», условно называемого «священной пародией» (“parodia sacra”).

Быть может, самым известным стихотворением о смешении вина и воды является текст Примаса Орлеанского «В чаше моей...» (“In cratere meo...” [32, s. 28–29]). Популярность этого произведения была впечатляющей: до нас дошло по крайней мере сорок семь рукописей с XII по XVI в., частично или полностью содержащих это стихотворение. Вода и вино представлены в нем в виде персонификаций — Фетиды (древнегреческая морская нимфа) и Лиэя (один из эпитетов Вакха). Разные грамматические рода слов «вино» (“vinum”, n) и «вода» (“aqua”, f), а также традиция изображать эти жидкости в виде женского и мужского божеств давали авторам возмож-

ность использовать для описания их смешения любовные или матримониальные метафоры, хотя брак этот всегда и оказывался несчастливым.

Еще один текст на эту тему — анонимное стихотворение «О споре вина и воды» (“De conflictu vini et aque” [32, s. 22–27]), написанное приблизительно в XII — начале XIII в. По форме оно представляет собой дебаты, которые были одним из самых распространенных жанров средневековой поэзии. Вино и вода в этом тексте вновь предстают в виде персонификаций, однако на этот раз имен они не получают. Матримониальная метафорика присутствует и здесь: автор стихотворения пишет, что брачный союз этих двух жидкостей «нехорош и недостоин восхваления...» (“non est bona nec laudari debet...”, здесь и далее перевод наш. — *Н.Д., К.Б.*). Герои по очереди восхваляют себя и обмениваются упреками. Выделим несколько доводов, которые приводит в свою пользу вино: оно утверждает, что наделяет мудростью всех, кто его выпьет, а также исцеляет хромых, слепых, расслабленных, скорбящих и немых. Вода также приводит ряд аргументов в свою защиту, а своего оппонента упрекает в подстрекательстве к разврату и разбою. В завершение спора вино говорит об отравлениях с летальным исходом, которые часто бывают от употребления грязной воды, его противница, ничего не придумав в ответ, рыдает и пристыженно удаляется, а стихотворение заканчивается весьма категоричным запретом смешивать эти две жидкости, нарушение которого чревато отлучением от Христа.

Нам известны и другие латинские словопрения между вином и водой — речь идет о так называемой «Голиафовой беседе Вина и Воды» (“Goliae dialogus inter Aquam et Vinum” [39, p. 87–92]). Оба латинских спора были созданы приблизительно в одно время, датировать их точно и определить, какой из них мог вдохновить автора другого, — задача весьма затруднительная. Как бы то ни было, ни один из них не может быть назван версией или вариацией другого, так как они значительно отличаются и содержательно, и стилистически: второй текст в гораздо большей степени насыщен разнообразными библейскими аллюзиями и рассчитан, по-видимому, на более интеллектуального читателя или слушателя, нежели первый [8, p. 365]. Вода и вино здесь вновь персонифицированы в облике Фетиды и Лиэя. Преамбула к спору пародирует традиционное начало монашеских «видений» [8, p. 322]: его автор оказывается на небесном судилище, где происходит тяжба между уже знакомыми нам жидкостями, и каждый из их

аргументов апеллирует к тому или иному сюжету из Священного Писания. Последнее слово остается за Лиэем, а свидетель этих дебатов просыпается.

Итак, и в первом, и во втором тексте вино одерживает победу и признается куда более стоящим напитком, чем вода. Р. Мартен отмечает очевидную предвзятость обоих авторов: в сущности, ни в одном из рассмотренных стихотворений победа вина не является логическим следствием более убедительной аргументации в его пользу. Доводы обеих сторон по меньшей мере сопоставимы по своей значимости, а в «Голиафовой беседе Вина и Воды» аргументация вина выглядит даже слабее, так как автор этого текста стремился создать иллюзию, будто бы Писание говорит в пользу вина столько же, сколько и в пользу воды. На самом же деле в тексте приведены почти все места из Библии, которые выставляют вино в положительном свете, и лишь малая часть подобных цитат о воде. Кроме того, если не принимать во внимание чудо в Кане Галилейской и установление таинства Евхаристии, все остальные эпизоды, упоминаемые вином, не слишком значительны [11, p. 363]. Между тем эти два текста вдохновили многих средневековых авторов, писавших на народных языках, на создание схожих произведений, и финалы их словопрений далеко не всегда совпадают с исходом латинских споров: вода побеждает как минимум в одной французской, одной испанской и трех итальянских версиях [8, p. 331, 342, 346].

Однако общая картина говорит скорее не в пользу воды. В анонимном тексте «О досточтимые пьяницы...» ("O potores exquisiti..." [32, s. 44–46]) вино представлено в виде фигуры Вакха или Либера; воду автор текста называет богиней, поскольку она — царица в море. При этом, однако, он утверждает, что статуса супруги или любовницы Вакха вода не достойна.

Еще одна песня, посвященная употреблению чистого вина, — текст «Сладкое, славное вино...» ("Vinum dulce, gloriosum..." [33, p. 69–70]). Автором этого стихотворения был Морандо из Падуи [33, p. 57–58], итальянский грамматик XIII в. В песне говорится, что употребление неразбавленного вина дарит человеку чувство беззаботности и согревает его. Завершается же стихотворение проклятием воды, поскольку та «вызывает хандру» ("splenem provocat").

О чувстве беззаботности, которое дарует неразбавленное вино, говорится также в анонимной песне «Славься, яркий цвет вина...» ("Ave, color

vini clari...”), известной с XIII в. и представляющей собой питейную пародию на один из популярных гимнов Деве Марии [14, p. 124–132].

Похвалить неразбавленное вино не преминул и один из самых известных вагантов — Архипиита Кёльнский. До нас дошло десять его стихотворений [24, с. 463–464], одно из которых получило мировую известность — речь идет о знаменитой «Исповеди» (“Confessio” [32, s. 6–21]), в которой Архипиита шутливо оправдывает себя перед своим покровителем, архиепископом Кельна Райнальдом фон Дасселем. Популярность этой песни в Средние века сравнима с популярностью стихотворения Примаса «В чаше моей...»: нам известно тридцать две рукописи с XII по XVI в., частично или полностью воспроизводящих этот текст. Рассуждая о связи поэтического дара с выпивкой и вкусным обедом, Архипиита пишет: «Мне на вкус слаще вино таверны, чем то, что смешал с водой виночерпий епископа» (“Michi sapit dulcius vinum de taberna, quam quod aqua miscuit presulis pincerna”).

Ряд других текстов, хотя и не посвящён специально теме смешения вина и воды, всё же акцентирует внимание на том, что вино следует пить именно неразбавленным.

В качестве примера можем привести стихотворение «Благодеяния чистого Вакха...» (“Puri Bacchi meritum...” [32, s. 40–41]). Автор текста использует для описания Вакха словосочетание «без хитрости» (“sine dolo”). Трейлл полагает, что это аллюзия на 1 Пет. 2: 2 — «как новорожденные младенцы, возлюби́те *чистое* словесное молоко, дабы от него возрасти вам во спасение» (“sicut modo geniti infantes, rationale *sine dolo* lac concupiscite, ut in eo crescatis in salutem”, курсив наш. — *Н.Д., К.Б.*). Под «чистым словесным молоком» в данном фрагменте следует понимать христианское учение, однако в нашем случае автор говорит о почитании «чистого» (неразбавленного, без примесей) Вакха [30, с. 691].

Другой пример находим в стихотворении «Вакх, ты даруешь красноречие, ты же усмиряешь рот болтливого...» (“Tu das, Bacche, loqui, tu comprimis ora loquacis...” [32, s. 43–44]). Третья строфа этого текста выглядит так: «Доставай неразбавленное вино и кости, да сгинет тот, кто заботится о завтрашнем дне!» (“Pone merum et talos, pereat, qui crastina curat”), что является точной цитатой из стихотворения под названием «Трактирщица» (“Copa”), входящего в «Приложение к Вергилию» (“Appendix Vergiliana”)

[32, s. 44]. Вопрос о том, принадлежал ли этот текст перу самого Вергилия, породил ряд дискуссий в исследовательской среде, однако единого мнения по этому поводу не существует до сих пор [34, p. 21]. Вино в рассматриваемом произведении наделяется теми же качествами, что и в стихотворении «О споре вина с водой», здесь также говорится о способности Вакха исцелять слепых и хромых.

Наконец, упоминание неразбавленного вина находим в тексте «“Как приметил я,” — говорит Катон...» (“‘Cum animadverterem’ dicit Cato...” [32, s. 80–81]). Первая строка — это начало «Дистихов Катона», сборника нравоучительных афоризмов III — начала IV в., популярного в Средние века. Зачин текста намекает на его дидактическое содержание [31, p. 709], однако данные в нем наставления соответствуют именно голиардским представлениям о «правильной» жизни: автор текста учит проигрывать и пропивать свою одежду, весело пировать и находить радость в неразбавленном вине.

Мы привели ряд стихотворений, наглядно демонстрирующих, что восхваление чистого вина — это одно из общих мест застольной латинской лирики Средних веков. Все рассмотренные тексты были созданы приблизительно в XII–XIII вв., однако рукописная и музыкальная традиции ясно дают понять, что этот мотив не терял своей популярности как минимум до XVI в.

Основная черта, которая объединяет все приведенные нами случаи, когда текст так или иначе содержит мотив смешения вина и воды (или, напротив, акцент на отсутствии этого смешения), это однозначное предпочтение чистого вина разбавленному, порой вплоть до запрета на смешение этих жидкостей и проклятий за его нарушение.

Между тем мотив смешения вина с водой встречается уже в самых ранних памятниках европейской литературы. Так, к примеру, он неоднократно появляется в «Илиаде» и «Одиссее». Гомеровские герои употребляют неразбавленное вино лишь дважды, причем в обоих случаях речь идет о персонажах недалеких — Полифеме и Ельпеноре. Им обоим дорого обходится пристрастие к чистому вину: циклоп лишается единственного глаза, а Ельпенор погибает, «крепким вином опьяненный» (Од., X, 555 и далее) [4, с. 174–175]. Как видим, употребление неразбавленного вина у Гомера всегда связывается с высокой степенью опьянения, которая, будучи ярким показателем отсутствия чувства меры, неизбежно приводит к плачевным для пью-

щего последствиям. Умеренность и воздержанность (в том числе в вине) — одна из главных добродетелей античной культуры.

Главный способ оставаться воздержанным в выпивке — разбавлять вино водой. В «Застольных беседах» Плутарха сообщается, что наиболее подходящая для этого пропорция — смешение двух кубков вина к трем кубкам воды [23, с. 61]. Употребление неразбавленного вина в античном мире было чревато не только разнузданным поведением, но еще и плохим самочувствием. Так, Афиней в «Пире мудрецов», цитируя комедиографа Клеарха, писал, что если бы голова у пьяницы болела до того, как он напьется неразбавленным вином, то никто никогда вообще не стал бы пить [19, с. 321].

Однако уже в Античности мы находим примеры употребления чистого вина, изображаемые в одобрительном ключе, в том числе упоминание его положительного влияния на здоровье (труды Гиппократа [9, p. 184], Цельса Авла Корнелия [30] и Галена [9, p. 181]).

Одно из наиболее ранних одобрительных упоминаний распития неразбавленного вина в художественных текстах — шутка из комедии Дифила, который писал, что все, в чем есть вода, не в пользу для души людской [21, с. 227]. Вероятно, самые знаменитые строки об употреблении чистого вина в античности — это 27 стихотворение Катулла, завершающееся «изгнанием» воды и торжеством бога виноделия: «Здесь несмешанный сок Фиониана» [21, с. 19]. О положительных свойствах неразбавленного вина высказывались также Проперций (элегии 2.17.41–43 [27, с. 80] и 3.17.3–4 [27, с. 160]) и Тибулл (элегия 1.2.1 [40, p. 17]). Впрочем, все эти поэты были мало известны в Средние века: мы практически не встречаем их упоминаний в этот период за исключением отдельных редких случаев [13, p. 112].

В творчестве тех античных поэтов, которые были наиболее известны в Средневековье, распитие неразбавленного вина в положительном ключе практически не упоминается. В «Энеиде» Вергилия неразбавленное вино фигурирует в сцене, в которой Дидона влюбляется в Энея (1.730 [20, с. 156]), что, конечно, не делало чести этому напитку, содействующему порочной страсти, в глазах средневекового читателя. В поэзии Овидия, «главного» для вагантов античного поэта, употребление чистого вина в нейтральном или положительном ключе встречается крайне редко: в «Метаморфозах» неразбавленное вино упоминается как атрибут Вакха (3.608 [37, p. 103]), а в «Письмах с Понта» сказано о целебных свойствах чистого напитка (1.3.9 [36, p. 60]).

Как видим, мотив смешения вина и воды в латинской смеховой литературе Средних веков не восходит к античным образцам: употребление чистого вина у древних авторов практически всегда осмысляется негативно, а те редкие тексты, когда оно все же получает положительную оценку, во-первых, в основном не были известны в Средние века, а во-вторых, ценят неразбавленное вино за иные качества, нежели поэты XII–XIII вв. Немногие примеры доказуемой рецепции античных текстов с этим мотивом средневековыми авторами не носят системного характера и не могут считаться общей тенденцией (таков случай цитаты из «Приложения к Вергилию», которая, вероятно, к тому моменту получила широкое распространение отдельно от остального текста и, вполне возможно, уже не ассоциировалась с Вергилием или Античностью в принципе [18, s. 43]).

Поскольку рассматриваемый нами мотив не имеет корней в Античности, в поисках его источников и причин появления нам следует обратиться к средневековым текстам, написанным как до появления наших стихов, так и одновременно с ними.

В Новом Завете вино становится частью таинства Евхаристии и переосмысляется как кровь Христа. При этом в Библии не говорится о том, какое вино пил на Тайной вечере Иисус с учениками — чистое или разбавленное, однако и средневековые схоласты [29], и современные исследователи [17, p. 152] предполагали, что, по обычаю стран Средиземного моря, оно все-таки было разбавленным.

По мере распространения христианства перед новообращенными верующими вставал ряд вопросов практического характера, в том числе вопрос о том, нужно ли разбавлять литургическое вино водой. Осуждение практики употреблять для Причастия неразбавленное вино встречается в постановлениях Вселенских и Поместных Соборов (Трулльский собор 691–692 гг. [25], Трибурский собор 895 г. [38, p. 547], Тридентский собор 1545–1563 гг. [28, с. 137, 139]). Вероятно, появление этого замечания в канонах Тридентского собора свидетельствует о том, что данная практика могла становиться предметом дискуссии в отдельных католических общинах вплоть до середины XVI в.

Сложно сказать, насколько освящение именно разбавленного вина было распространено в средневековой Западной Европе в действительности, однако само обсуждение этой традиции и различные ее символические

интерпретации встречаются в богословской литературе постоянно, начиная с первых веков существования Церкви. Киприан Карфагенский считал, что вода означает народ, а вино — Христа, и потому смешение воды с вином — это союз людей и Христа. Киприан также отмечает важность наличия воды и во втором компоненте причастия — литургическом хлебе [21]. Эту же мысль позже повторит Рабан Мавр. Более того, он настаивает на использовании именно разбавленного вина, поскольку из пронзенного бока Спасителя вытекли кровь и вода (Ин. 19: 34), а не одна лишь кровь [5, с. 445]. Впрочем, эта идея тоже не принадлежит самому Рабану Мавру. По свидетельству Фомы Аквинского, об этом говорит уже папа Александр I. Фома цитирует и папу Юлия I, который, по всей видимости, повторяет слова Киприана о смешении воды и вина как символе союза людей с Христом [29]. Для Климента Александрийского соединение этих двух жидкостей в евхаристической чаше среди прочего означало союз, однако иной — союз человека (вода) и Духа (вино) [22]. Эта практика также связывалась со спорами о двух природах Христа. Анастасий Синаит считал, что кровь символизирует божественную природу Христа, а вода — человеческую, поэтому причащение неразбавленным вином — это ересь, отрицающая Христа-Богочеловека [26, с. 198].

Исчерпывающее объяснение традиции смешивать воду и вино в евхаристической чаше приводит в своем знаменитом трактате «Сумма богословия» Фома Аквинский. Обобщив аргументы папы Александра I, Киприана, Амвросия, папы Юлия I и папы Иннокентия III, он приходит к следующим выводам: таинство Евхаристии обязательно должно совершаться вином, смешанным с небольшим количеством воды, хотя само по себе присутствие воды не является сущностно необходимым для этого таинства [29]. Описанная нами святоотеческая традиция оставалась, таким образом, актуальной и к середине XIII в., когда писал Фома.

Как видим, и в Западном, и в Восточном богословии существует единое мнение о необходимости смешения литургического вина с водой, аргументируемое как цитатами из Писания, так и с помощью различных символических интерпретаций. При этом вода в рамках этой экзегезы прочно ассоциируется с «человеческим» началом (человеческая природа Христа, человечество в целом), тогда как вино — с «божественным» (божественная природа Христа, сам Христос, Дух). Итак, вино для причастия, которое пресуществляется в кровь Христа, — это всегда вино разбавленное.

Обратимся же теперь к текстам, рассмотренным нами ранее. Некоторые из них очевидным образом связаны с этой традицией. Вспомним о предпочтениях Архипиита Кёльнского, который говорит, что ему больше нравится вино из таверны, чем то, что разбавил водой виночерпий епископа. Существует несколько вариантов интерпретации этой строки. Д. Парлетт полагает, что под «епископом» в данном контексте подразумевается сам Райнальд фон Дассель, покровитель Архипиита, которому и адресовано это послание, а вся строка — это намек на то, что домашний виночерпий Райнальда подворовывает его вино, разбавляя остатки водой, чтобы скрыть свои действия [12, p. 234]. Это предположение любопытно, особенно с учетом того, что в конце своей оправдательной речи Архипиита издевается над теми, кто, по-видимому, оклеветал его в глазах Райнальда, говоря, что он, в отличие от них, признается во всех своих пороках, тогда как те, кто на него жалуется, лишь изображают добродетель. Трейлл считает, что в числе клеветников мог быть и виночерпий, который сам при этом не чист на руку [16, p. 93]. Однако более интересной нам представляется интерпретация М. Бэйлесс, которая полагает, что под вином, смешанным с водой, подразумевается вино для причастия [7, p. 96]. В сущности, эта версия выглядит более правдоподобной: вся «Исповедь» обращена к Райнальду, и в третьем лице он не упоминается в ней ни разу, поэтому предположение, что «виночерпий епископа» — это виночерпий самого Райнальда, требует больше допущений, чем интерпретация Бэйлесс.

Более однозначный пример противопоставления чистого вина таверны разбавленному церковному вину находим в тексте «О досточтимые пьяницы…» — строки о том, что вода недостойна Вакха, имеют продолжение: «Вакх никогда не желал быть окропленным, и никогда добровольно не крестился» (“Numquam Bacchus adaquari se voluit, neque libens baptizari sustinuit”). Примечательно, что в рукописи “Carmina Burana” этот текст предваряется миниатюрой, изображающей пир в таверне: на ней представлены четверо мужчин, трое из которых пьют, а четвертый совершает над своей чашей некий жест рукой. К. де Амель полагает, что изображенный на миниатюре человек осеняет свою чашу знамением креста, что пародирует освящение чаши на мессе [2, с. 322–323]: литургическое вино, с одной стороны, противопоставляется церковному, а с другой — уподобляется.

Нас, впрочем, не должно смущать такое соответствие, равно как не должны удивлять и «насмешки» над традицией смешивать евхаристическое вино с водой. Все это — маленькая часть большой литературной игры, характерной для смеховой литературы Средних веков, в которой таверны и прочие питейные заведения изображались как аналог и одновременно антипод Церкви. Как пишет Бэйлесс, «литургическая пародия провозглашает особенно детальную версию мира пьяниц, в которой застольно-комедийная иконография подменяет собой христианскую» [7, p. 98]. Сакральное разбавленное вино в наших текстах не только подменяется профанным неразбавленным — последнему также приписываются божественные свойства (например, способность исцелять больных). Более того, сам Христос в пространстве этих литературных текстов зачастую заменяется своим пародийным дублером — Вакхом [3, с. 150–154].

И все же остается важный вопрос: почему мотив восхваления неразбавленного вина актуализуется именно в поэзии XII–XIII вв.? Нам удалось найти лишь один текст, относящийся к полюсу так называемой «смеховой» литературы и созданный ранее обозначенного периода, в котором также упоминается смешение вина и воды, — речь идет о знаменитой «Вечере Киприана» (“Cena Cypriani” [38, p. 872–898]), тексте, созданном, по-видимому, в IX в. в качестве развлекательного педагогического пособия [24, с. 586]. Когда описание пира в стихотворении доходит до рассказа о подаче вина, читателю сообщается, что Вениамин смешал в чаше вино и воду, Марта подала эту чашу Петру, а тот испил из нее первым из всех апостолов. Упоминание чаши в связи с Вениамином отсылает к Быт. 44: 12, эпизоду «увода» Вениамина в «рабство» к Иосифу [38, p. 887]. В оригинальном тексте вода и вино как таковые в этой строке не упоминаются (там сказано “miscuit sciphum”, «смешал чашу»), однако естественно предположить, как это делает М.Л. Гаспаров, что под этими словами имеется в виду именно смешение в чаше вина и воды [24, с. 360]. Как видим, никакой негативной авторской оценки это действие не получает, оно просто упоминается, и главное в этой строке — не разбавленное вино, а сама чаша. Почему же в таком случае в пародийной латинской поэзии XII–XIII вв. эта практика начинает высмеиваться и осуждаться? Мы можем предложить два возможных объяснения этому явлению.

О первом из них мы уже фактически сказали: Высокое Средневековье характеризуется расцветом того, что М.М. Бахтин в книге «Творчество

Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» назвал «смеховой культурой» Средних веков, противопоставив ее культуре «официальной» [1, с. 8]. Вот как писал Бахтин о том необозримом литературном богатстве, частью которого являются в том числе и тексты, описанные нами в первой главе: «В дальнейшем развитии смеховой латинской литературы создаются пародийные дублеты буквально на все моменты церковного культа и вероучения. Это так называемая “parodia sacra”, то есть “священная пародия”, одно из своеобразнейших и до сих пор недостаточно понятых явлений средневековой литературы» [1, с. 20]. Учитывая усердие, с которым святые отцы и их последователи-схоласты отстаивали необходимость смешения евхаристического вина с водой, самым очевидным способом сконструировать пародийный дублет «крови Христа» становится замена разбавленного вина чистым в пространстве комического текста.

Вторая причина обращения к этому мотиву менее очевидна, и она лишь поясняет и дополняет первую. В IX–XI вв. в католической Церкви формируется учение о том, что хлеб и вино превращаются в плоть и кровь Христа буквально (транссубстанциация) [6]. Этот факт имел важное последствие для обрядовой стороны Евхаристии. В качестве следующего шага после догматизации реального присутствия Христа в Евхаристии развивается учение о полноценном присутствии Христа в обоих компонентах причастия (конкомитанция) [17, p. 1775–1784], что постепенно приводит к причащению мирян только под одним из двух видов (Телом). Эта практика вводится на протяжении XII в. и уже к XIII в. устанавливается как общепринятая [15, s. 286] — в своем гимне «Хвали, Сион, Спасителя...» (“Lauda, Sion, Salvatorem...” [35, p. 354–360]) Фома Аквинский прославляет уже в первую очередь литургический хлеб. К. Смолак предполагает, что введение этой практики в церковный обряд должно было вызвать большое недовольство, которое, как показывает возникновение движения каликстинцев («чашников») в начале XV в., так и не утихло на протяжении нескольких последующих веков. Именно этим явлением Смолак объясняет такой акцент на употреблении вина в пародийной латинской литературе XII–XIII вв.: Вакх буквально противопоставляется Христу, ведь он дарит своим последователям чашу, которой теперь лишены христиане [15, s. 286]. Отметим также практически полное отсутствие упоминаний хлеба в смеховой литературе этого периода: он встречается в некоторых из многочис-

ленных питейных пародий на молитву «Отче наш», где «хлеб насущный» (“panem quotidianum”) может заменяться, к примеру, на «белый воздушный хлеб» (“panem pistum et album”) [7, p. 356–357], однако в целом количество упоминаний вина в этих текстах абсолютно диспропорционально числу упоминаний хлеба. В этом отношении особый интерес представляет один текст — пародийный центон «От Лукия веселое благовествование» (“Laetum evangelium secundum Lucium...” [10, p. 250]), в котором в результате совмещения стихов Мф. 26: 39 и Втор. 8: 3 получается фраза «...да не минет никого чаша его, ибо не хлебом единым жив человек» [24, с. 317], вполне, по-видимому, передающая настроение паствы того времени.

Итак, прихожан XII–XIII вв. лишили освященного вина — тем важнее было сделать акцент на его употреблении авторам, пародирующим в своих текстах устройство официальной Церкви. Для этого необходимо было найти смеховой аналог, пародийный дублет освященного напитка, Крови Христовой, а потому поэты прибегли к наиболее очевидному, с учетом святоотеческой традиции, способу отделить свое «вакхическое» вино от церковного «христианского»: в шутливой форме запретить смешивать его с водой подобно тому, как ранние богословы запрещали употреблять его неразбавленным. Неразбавленное вино сильнее пьянит, и это хорошо сочетается с общими идеалами того образа жизни, который восхваляет вагантская поэзия.

Список литературы

Исследования

1 *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

2 *Де Амель К.* Манускрипты, изменившие мир. Самые удивительные рукописи Средневековья. М.: Бомбора, 2023. 608 с.

3 *Долгорукова Н.М., Бабенко К.В.* Церковь пьяниц: таверна в лирике вагантов // Литературный факт. 2022. № 25. С. 142–162. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-142-162

4 *Ловчев В.М.* У истоков европейской алкогольной и безалкогольной традиций (алкоголь и другие психоактивные вещества в Гомеровской Греции, XI–VIII вв. до н.э.) // Вестник Казанского технологического университета. 2012. № 22. С. 174–182.

5 *Шафф Ф.* История христианской церкви / пер. О.А. Рыбаковой. СПб.: Библия для всех, 2008. Т. 4. 511 с.

6 *Шишков А.* Учение о евхаристии в ранней и классической схоластике // Православное учение о церковных таинствах. Материалы V Международной богословской конференции Русской Православной Церкви (Москва, 13–16 ноября 2007 г.). М.: Синодальная библейско-богословская комиссия, 2009. Т. 2. С. 293–302. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-uchenie-o-tserkovnyh-tainstvah-tom-2/1 (дата обращения: 25.04.2023).

7 *Bayless M.* Parody in the Middle Ages: The Latin Tradition. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. 425 p.

8 *Hanford J.H.* The Medieval Debate between Wine and Water // PMLA. 1913. Vol. 28, № 3. P. 315–367.

9 *Jouanna J.* Greek Medicine from Hippocrates to Galen: Selected Papers / ed. by P. van der Eijk, trans. by N. Allies. Leiden: Brill, 2012. 405 p.

10 *Lehmann P.* Die Parodie im Mittelalter. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1963. 267 s.

11 *Martin R.* “Vinum dulce, gloriosum…”: le thòme du vin dans la poésie latine médiévale // Bulletin de l’Association Guillaume Budé: Lettres d’humanité. 1990. № 49. P. 356–370.

12 *Parlett D.* Selections from the “Carmina Burana.” A Verse Translation. London: Penguin Books, 2007. 266 p.

13 *Reynolds L.D., Wilson N.G.* Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford: Clarendon Press, 1991. 337 p.

14 *Saus A., Lagos J., Gómez E.* Cancionero de estudiantes de la Tuna. El cantar estudiantil, de la edad media al siglo XX. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 2003. 668 p.

15 *Smolak K.* Die Bacchusgemeinschaft (Drei mittellateinische Trinklieder) // Wiener Studien. 1986. Vol. 99. S. 267–287.

16 *Traill D.A.* Satire in the Codex Buranus // Revisiting the Codex Buranus: Contents, Contexts, Composition / ed. by T.E. Franklinos and H. Hope. Woodbridge: The Boydell Press, 2020. P. 67–96.

17 *Wilson H.* Wine and Words in Classical Antiquity and the Middle Ages. London: Duckworth, 2003. 224 p.

18 *Zogg F.* “Carmina Virgilii mitte minora precor”: Die Überlieferung der Appendix Vergiliana im Mittelalters // Mittellateinisches Jahrbuch. 2018. Bd. 53. S. 27–45.

Источники

19 *Афиней.* Пир мудрецов: в пятнадцати книгах. Книги IX–XV / изд. подгот. Н.Т. Голинкевич. М.: Наука, 2010. 597 с.

20 *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида / вступ. ст. М. Гаспарова, коммент. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М.: Худож. лит., 1979. 550 с.

21 *Гай Валерий Катулл Веронский*. Книга стихотворений / пер. С.В. Шервинского, примеч. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1986. 302 с.

22 *Климент Александрийский*. Педагог / пер., вступ. ст. и коммент. А.Ю. Братухина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 344 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/ (дата обращения: 25.04.2023).

23 *Плутарх*. Застольные беседы / пер. Я.М. Боровского, М.Н. Ботвинника, Н.В. Брагинской и М.Л. Гаспарова. Л.: Наука, 1990. 592 с.

24 Поэзия вагантов / изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1975. 606 с.

25 Правило 32 Константинопольского Вселенского Собора // Правила святых Вселенских Соборов с толкованиями. М.: Сибирская благозвонница, 2011. 752 с. URL: https://azbyka.ru/pravo/shestoj-vselenskij-sobor-32/ (дата обращения: 25.04.2023).

26 *Преподобный Анастасий Синаит*. Избранные творения / вступ. ст., пер. и коммент. И.А. Сидорова. М.: Паломник, 2003. 480 с.

27 *Секст Проперций*. Элегии в четырех книгах / пер. и примеч. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004. 271 с.

28 Тридентский Собор. Каноны и декреты / пер. Е.М. Розенблюма и И.И. Аникьева. СПб.: Католическая высшая духовная семинария «Мария — Царица Апостолов», 2019. 234 с.

29 *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть III. Вопросы 60–90 / пер., ред. и примеч. С.И. Еремеева. Киев: Ника-Центр, 2015. 504 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-12/15 (дата обращения: 25.04.2023).

30 *Цельс Авл Корнелий*. О медицине / пер. Ю. Шульца и В.Н. Терновского. М.: Второй московский гос. мед. ин-т имени Н.И. Пирогова, 1959. 407 с. URL: http://simposium.ru/ru/node/10631 (дата обращения: 25.04.2023).

31 Carmina Burana / ed. and trans. by D.A. Traill. Cambridge: Harvard University Press, 2018. Vol. 2. 800 p.

32 Carmina Burana, mit Benutzung der Vorarbeiten Wilhelm Meyers / Hg. von A. Hilka, O. Schumann und B. Bischoff. Heideilberg: Winter, 1970. Bd. 1.3. 238 s.

33 Carmina Medii Aevi / a cura di F. Novati. Firenze: Alla Libreria Dante, 1883. 86 p.

34 Copa. La tabernera: poema pseudovirgiliano / com. por A. Schniebs et al. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Editorial de la Facultad de Filosofía y Letras Universidad de Buenos Aires, 2014. 120 p.

35 One Hundred Latin Hymns. Ambrose to Aquinas / ed. and trans. by P.G. Walsh and C. Husch. Cambridge: Harvard University Press, 2012. 544 p.

36 *Ovid*. Epistolae ex Ponto. Oxford, New York: Oxford University Press, 2005. Book 1 / ed., with introd., trans. and comm. by J.F. Gaertner. 606 p.

37 Ovid's Metamorphoses. Norman: University of Oklahoma Press, 1997. Book 1–5 / ed., with introd. and comm. by W.S. Anderson. 584 p.

38 Poetae Latini aevi Carolini / recens. K. Strecker. Berolinum: Apud Weidmannos, 1923. T. IV. 1179 p.

39 The Latin Poems Commonly Attributed to Walter Mapes / ed. by T. Wright. London: Printed for the Camden Society, by John Bowyer Nichols and Son, Parlament Street, 1841. 371 p.

40 Tibullus. A Commentary / ed. by M.C.J. Putnam. Norman: University of Oklahoma Press, 1979. 222 p.

References

1 Bakhtin, M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [*Rabelais and His World: Carnival and Grotesque*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 543 p. (In Russ.)

2 De Amel', K. *Manuskripty, izmenivshie mir. Samye udivitel'nye rukopisi Srednevekov'ia* [*Meetings with Remarkable Manuscripts: Twelve Journeys into the Medieval World*]. Moscow, Bombora Publ., 2023. 608 p. (In Russ.)

3 Dolgorukova, N.M., and K.V. Babenko. "Tserkov' p'ianits: taverna v lirike vagantov" ["Church of Drunkards: A Tavern in the Lyrics of Goliards"]. *Literaturnyi fakt*, no. 25, 2022, pp. 142–162. https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-142-162 (In Russ.)

4 Lovchev, V.M. "U istokov evropeiskoi alkogol'noi i bezalkogol'noi traditsii (alkogol' i drugie psikhoaktivnye veshchestva v Gomerovskoi Gretsii, XI–VIII vv. do n.e.)" ["At the Origins of the European Alcoholic and Non-Alcoholic Traditions (Alcohol and Other Psychoactive Substances in Homeric Greece, 11th–8th Centuries BC")]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, no. 22, 2012, pp. 174–182. (In Russ.)

5 Shaff, F. *Istoriia khristianskoi tserkvi* [*History of the Christian Church*], vol. 4, trans. by O.A. Rybakova. St. Petersburg, Bibliia dlia vsekh Publ., 2008. 511 p. (In Russ.)

6 Shishkov, A. "Uchenie o evkharistii v rannei i klassicheskoi skholastike" ["The Doctrine of the Eucharist in Early and Classical Scholasticism"]. *Pravoslavnoe uchenie o tserkovnykh tainstvakh. Materialy V Mezhdunarodnoi bogoslovskoi konferentsii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Moskva, 13–16 noiabria 2007 g.)* [*Orthodox Teaching on Church Sacraments. Materials of the V International Theological Conference of the Russian Orthodox Church (Moscow, November 13–16, 2007)*], vol. 2. Moscow, Sinodal'naia bibleisko-bogoslovskaia komissiia Publ., 2009, pp. 293–302. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/pravoslavnoe-uchenie-o-tserkovnyh-tainstvah-tom-2/1 (Accessed 25 April 2023). (In Russ.)

7 Bayless, Martha. *Parody in the Middle Ages: The Latin Tradition*. Ann Arbor, The University of Michigan Press, 1996. 425 p. (In English)

8 Hanford, James Holly. "The Medieval Debate Between Wine and Water." *PMLA*, vol. 28, no. 3, 1913, pp. 315–367. (In English)

9 Jouanna, Jacques. *Greek Medicine from Hippocrates to Galen: Selected Papers*, ed. by Philip van der Eijk, trans. by Neil Allies. Leiden, Brill, 2012. 405 p. (In English)

10 Lehmann, Paul. *Die Parodie im Mittelalter*. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1963. 267 S. (In German)

11 Martin, René. "'Vinum dulce, gloriosum...': le thème du vin dans la poésie latine médiévale." *Bulletin de l'Association Guillaume Budé: Lettres d'humanité*, no. 49, 1990, pp. 356–370. (In French)

12 Parlett, David. *Selections from the "Carmina Burana." A Verse Translation*. London, Penguin Books, 2007. 266 p. (In English)

13 Reynolds, Leighton Durham, and Nigel Guy Wilson. *Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*. Oxford, Clarendon Press, 1991. 337 p. (In English)

14 Saus, Antonio, José Lagos, and Emigdio Gómez. *Cancionero de estudiantes de la Tuna. El cantar estudiantil, de la edad media al siglo XX*. Salamanca, Ediciones Universidad de Salamanca, 2003. 668 p. (In Spanish)

15 Smolak, Kurt. "Die Bacchusgemeinschaft (Drei mittellateinische Trinklieder)." *Wiener Studien*, vol. 99, 1986. S. 267–287. (In German)

16 Traill, David. "Satire in the Codex Buranus." *Revisiting the Codex Buranus: Contents, Contexts, Composition*, ed. by Tristan Franklinos and Henry Hope. Woodbridge, The Boydell Press, 2020, pp. 67–96. (In English)

17 Wilson, Hanneke. *Wine and Words in Classical Antiquity and the Middle Ages*. London, Duckworth, 2003. 224 p. (In English)

18 Zogg, Fabian. "'Carmina Virgilii mitte minora precor': Die Überlieferung der Appendix Vergiliana im Mittelalters." *Mittellateinisches Jahrbuch*, Bd. 53. 2018. S. 27–45. (In German)